

Т.Л. Клячко

Центр экономики непрерывного
образования АНХ, Москва

Профессиональное образование: снова реформы?

Вопросы, которые сейчас стоят перед системой профессионального образования, при всем многообразии можно свести к двум: 1) соответствует ли структура подготовки кадров запросам рынка труда; 2) можно ли на действующей кадровой базе обеспечить переход к инновационной экономике, модернизировать не систему образования, но страну.

Ситуация в профессиональном образовании является сложной не первый год. Демографический спад уже в 2003 г. докатился до системы начального профессионального образования. С тех пор численность учащихся в НПО сократилась более чем на 37%, а выпуски – на 30%. Неудивительно, что бизнес бьет тревогу – рабочих вроде бы действительно не хватает. С учетом того, что в России начинает сокращаться численность трудоспособного населения, есть двойной повод для волнений. И Михаил Прохоров на прошедшем 31 августа 2010 г. заседании Государственного совета по образованию говорит о том, что система профессионального образования не отвечает запросам рынка труда – всего лишь 10% – выпускники с начальным профессиональным образованием, 20% – со средним и 70% – с высшим. А надо наоборот – 80% с начальным и средним и всего 20% – с высшим.

Однако, по данным Росстата, в 2009/10 учебном году выпуск из учреждений НПО составил 538 тыс. чел., СПО – 631 тыс. чел., ВПО – 1442 тыс. чел. Таким образом, получаем, что выпускники вузов составляют чуть больше 55%, а учреждений НПО и СПО чуть меньше 45%. Пропорция нормальная для постиндустриальных стран.

Теперь посмотрим, что происходит с выпускниками НПО. По данным социологических исследований, 25% из них выходит на рынок труда (это в основном работники сферы обслуживания и торговли – парикмахеры, официанты, повара, продавцы), 16% – ждут призыва в армию, примерно 53% хотят продолжить обучение в СПО и вузах, а еще 6% намереваются сразу сменить полученную профессию. Соответственно, 59% уже по выходе из профессионального училища или лицея не собираются работать в полученной профессии, еще 16% выпускников – те, кто уходит в армию, далеко не всегда будут работать в той сфере, для которой их готовили. Итак, эффек-

тивность системы НПО в настоящее время составляет примерно 25–30%, т.е. КПД паровоза. И передача учреждений НПО на региональный уровень, когда предполагалось, что теперь-то они будут больше ориентированы на локальные рынки труда, желаемого эффекта, как видим, не дала. И, что важнее, не могла дать, так как дело не в том, из какого бюджета финансируется данный уровень профессионального образования, а в армейском призыве и представлениях молодых людей о достойном занятии. Исследования Левада-центра последних лет показали, что только 6% респондентов в возрасте 15–35 лет считают профессию рабочего привлекательной.

В СПО ситуация ненамного отличается от ситуации в начальном профессиональном образовании: 76% окончивших ссузы собираются продолжать учебу, при этом 91% – в вузах. В последние годы в связи с полномасштабным введением ЕГЭ число учреждений СПО стало расти, несмотря на продолжающееся падение контингентов. Они стали создаваться при вузах, с тем чтобы окончившие их выпускники могли сразу зачисляться в высшее учебное заведение, минуя Единый экзамен.

Все эти годы мы постоянно говорили о том, что больше половины выпускников вузов работает не по специальности, не обращая особого внимания на то, что еще более серьезная ситуация уже сложилась в начальном и среднем профессиональном образовании.

Второй вопрос – может ли система профессионального образования обеспечить кадрами модернизацию экономики, инновационные производства? В России есть и вузы, и профессиональные училища, которые готовят кадры, квалификация которых находится на высоком уровне или может быть доведена до такового. Приоритетный национальный проект «Образование» позволил выделить примерно по 10% учебных заведений ВПО, СПО и НПО, обладающих возможностями реализовать инновационные образовательные программы, обеспечить им обновление материально-технической базы. Но их преподавательский корпус в основном остался прежним.

В то же время материальная база остальных образовательных учреждений профессионального образования устарела, стареет и пре-

подавательский корпус. Недавно ректор известного российского вуза с грустной улыбкой сказал: «Ну, 60 лет – это еще молодой профессор!»

Другая проблема вузов, учреждений СПО и НПО состоит в том, что большинство их преподавателей либо еще, либо уже «жизни не знают». Точнее, они знают ту жизнь и те производства, которые современными назвать трудно. Они могут научить тех, кто должен поддерживать созданное 20–25 лет тому назад, но про инновации они либо ничего не знают, либо знают понаслышке.

Я. Кузьминов и И. Фрумин в своей статье «Профессиональное образование: российский мастер-план» отмечают, что «с помощью конкурсных механизмов сформировалась группа исследовательских университетов с ясной целью – стать локомотивами инновационного развития. На развитие этой сети выделено уже больше 100 млрд руб. Но среди этих денег нет средств на собственно исследования, которые должны стать основой новых технологий». Но вопрос не только в деньгах, а прежде всего в том, кто будет проводить эти исследования, даже если средства на эти цели и будут выделены? Состояние российской академической науки уже давно вызывает тревогу, но состояние вузовской науки – отнюдь не лучше, если не хуже: с советских времен она уступала академической. Да, предпринимаются меры для того, чтобы изменить положение, много говорится о приглашении в исследовательские университеты ведущих ученых, в том числе зарубежных. Но ведущие ученые – люди успешные, средства на исследования у них есть, и вряд ли они в массовом порядке захотят перебраться в вузы, даже если те и получили статус НИУ.

В системах НПО и СПО проблема кадров стоит не менее остро. Данные Росстата о заработной плате в начальном и среднем профессиональном образовании за январь–май 2010 г. неутешительны, она составляет в НПО 55,9% средней по экономике России, в СПО – 74,1%.

Вряд ли этот уровень оплаты труда способен привести к существенному изменению преподавательского состава учреждений начального и среднего профессионального образования. Поэтому в НПО и СПО будут готовить не работников для инновационной экономики, а тех, кого могут, – с имеющимся персоналом и на той материально-технической базе, которая у них есть. Представляется, что материальную базу обновить проще, чем поменять кадровый корпус. Прозвучавшее на заседании Государственного совета из уст губернатора Кресса предложение, чтобы в учреждения НПО и СПО шли работать преподаватели вузов, поскольку контингент студентов в бли-

жайшие годы сильно сократится и высвободится более 100 тыс. преподавателей, скорее всего не найдет поддержки в вузовской среде.

Для улучшения ситуации необходимо иметь достаточно надежные прогнозы потребности в кадрах. Сейчас их нет. Минэкономразвития разрабатывает прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации на три года, при этом основным параметром этих прогнозов является цена на нефть, а не структурные сдвиги в экономике. Да и предвидеть эти сдвиги в столь короткой перспективе достаточно сложно. Таким образом, получаем: прогноз – отдельно, инновации – отдельно и отдельно – определение структуры подготовки кадров. Для того чтобы это сошлось в некоторое единое целое, придется менять методологию прогнозирования, вовлекать в это дело регионы и бизнес, учитывать миграционные потоки как внутри страны, так и из-за рубежа, а также увеличивать сроки прогнозирования, по крайней мере, в 2–2,5 раза.

Трансформация структуры подготовки в начальном, среднем и высшем профессиональном образовании должна опираться на долгосрочную инвестиционную программу, согласованную регионами, бизнесом, системой образования, предполагающую взаимные обязательства. Помимо инвестиционной программы, необходима программа переподготовки кадров для системы профессионального образования, опирающаяся на принципиально новые программы. Если реализовать всю данную цепочку, то на выходе можно получить систему непрерывного профессионального образования, о которой ведется столько разговоров в последнее время, на которой пока никто не видел.

Инновационная экономика в отличие от индустриальной требует других навыков от работника. Она технологически сложная и дорогая, а соответственно, предполагает, что работник будет социально зрелым, осознанным все риски и ответственность, связанные с использованием дорогостоящего оборудования. Это не подросток шестнадцати–семнадцати лет, это человек за двадцать. Именно этот момент должен определять переход системы школьного образования на двенадцатилетку или даже тринадцатилетку. Реформировать профессиональное образование без реорганизации общего образования вряд ли получится. Подготовка рабочих кадров для инновационных производств должна разворачиваться на иной системе профессионального образования. Прием в профессиональную школу должен начинаться не в 15 лет, как это происходит в настоящее время, а в 19–20.

Основная трудность в модернизации образования, которую мы наблюдаем последние десять лет, – это некомплексность мер, с одной стороны, и слабый учет последствий и рисков, с другой. Некомплексность приводит к резкому снижению эффективности тех мер, которые реализуются, а также к получению результатов, которых «не ждали». В итоге общество разочаровывается в реформах, относится к ним с опаской и даже становится невосприимчивым к нововведениям. И это, кстати, очень вредит восприятию инновационной эко-

номики. Второй момент – это приукрашивание конечного результата. Он видится в розовых тонах, а риски и негативные последствия затушевываются и преуменьшаются. Как правило, мы сначала ввязываемся в бой, а потом начинаем считать последствия и реальные ресурсы, необходимые для преобразований. В силу инерционности системы образования негативные явления проявляются далеко не сразу, впрочем, как и позитивные. И эту сложность модернизации системы образования в целом, и профессионального в частности, нельзя не учитывать.

Поступила в редакцию 07 декабря 2010 года.

И.В. Абанкина

НИУ Высшая школа экономики,
Москва

Инновационная экономика и индустриальная модель университетов: тест на совместимость

Сложная и противоречивая ситуация в высшем образовании в России во многом обусловлена сохранением отраслевого подхода к решению проблем, попыткой вдохнуть жизнь в индустриальную модель, которая безвозвратно уходит в прошлое. Эта модель неразрывно связана с административной системой управления университетами, назначением ректоров, она направлена на латание дыр, а не на стратегические перспективы и не на создание условий для креативности и роста профессионализма. Для преодоления интеллектуального и технологического отставания России необходимо наращивать потенциал креативности. Креативность – особое измерение, для ее формирования нужны специальные условия, прежде всего свобода творческого поиска, исследований, свобода думать, проектировать, пробовать, ошибаться... Дело не в том, что знания выпускников вузов, работающих в индустриальной модели, слабее, чем в креативной. Дело в том, что у них – «небо высотой в хвост собаки». Это образное выражение хантов точно отражает суть проблемы – можно ли переходить к инновационной экономике с индустриальной моделью университетов?

При всем сходстве решений, принимаемых в Европе и России, принципы, на которых основаны эти решения, часто оказываются противоположными. При переходе на новые механизмы финансирования, ориентированные на результат (Performance Funding Model), европейские страны основывали

свои действия на концепции, предусматривающей максимизацию поддержки стратегических решений при минимизации вмешательства чиновников в дела университетов. Всеми было признано, что автономия превращается в один из главных факторов, способствующих повышению качества и конкурентоспособности. Автономия выражается в том, что университеты владеют активами, сами решают инвестиционные вопросы, менеджмент университета полностью несет ответственность за финансовую деятельность и осуществляет ее контроль, включая долгосрочные программы, нанимает персонал вуза и несет за него ответственность, платит выходные пособия и пенсии, а также пособия по безработице. Внешне российские законы об автономии очень похожи на те, которые установлены в европейских странах, но по существу они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития. Даже недавно принятый ФЗ 83 о правовом статусе бюджетных учреждений уже на стадии подготовки к его одобрению обязывает университеты (как и бюджетные учреждения в других сферах) ежегодно разрабатывать и утверждать в министерстве у заместителя министра план финансово-хозяйственной деятельности по детальным статьям экономической классификации расходов, т.е. фактически утверждать ту же самую